

16 ИЮЛ 1982

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Физико-
лирический
факультет

ЗВЕЗДНАЯ СТРУНА ЛИРЫ

...На просторной сцене большого, густо заселенного зала, за маленьким столиком одиноко сидит пожилой человек с умным, выразительным лицом. Негнущаяся нога отодвинута в сторону. Ее, собственно, нет — осталась на войне. К стулу прислонилась палка, на которую поэт, сохранявший стройность, тяжело опираясь, выходя на сцену. К замшевой куртке приколот значок «Венера-10». Из коричневой сумки он достает тоненькую книгу без переплета и начинает читать:

Мне другие мерещатся
тени,
Мне другая поет ницета:
Переплетчик забыл
о шагрени,
И красильщик не красит
холста...

Стихи читает известный советский поэт Арсений Тарковский.

Негромкий отчетливый голос ведет тему грусти по отмиранию ремесел. Тихо в зале Дворца культуры Московского авиационного института. Голосу поэта внимают те, кто «рождены, чтоб сказку сделать былью». Но сказка неисчерпаема. Искусство Левши непредсказуемо. Создав орбитальные станции, мы только лишь начинаем разбираться в механизме полета насекомых. В тени НТР теряются бесценные секреты дедовской мудрости. Интуитивное знание имеет право на существование. Это доказывает искусство.

...Наблюдать умирание
ремесел
Все равно что себя
хоронить...

Звучит финальная строфа:
И уже электронная лира,
От своих программистов
тайком,
Сочиняет стихи Кантемира,
Чтобы собственным кончить
стихом.

Поэт — это тот же народный умелец со своим нехитрым инструментом — бумагой да пером. Его ремесло пытается постичь математизированная наука, ос-

В последние десятилетия усилился интерес к таинственным взаимоотношениям науки и искусства. Давно уже обособились и специализированно трудятся эти два полушария человеческого познания. Их детича, столь непохожие друг на друга, казалось, не только утратили признаки изначального единства, но и не допускают возможности обретения каких-либо связей. Что общего, между Венерой Милосской и межпланетной автоматической станцией «Венера»? Однако обе слагающие культуры, выполняя различные общественные и личные функции, развивались в едином организме человеческой цивилизации и не могли не испытывать подспудного взаимного влияния. Научно-технический взлет второй половины нашего века породил перспективу расширения и совершенствования среды обитания. Но вот какова степень воздействия НТР на нравственно-этическую область — это еще вопрос. Известная рационализация нашего бытия усилила потребность в искусстве, в этом целебном источнике гармонии и нравственности. Книжный бум, штурм театров, очереди в музеях — и все это в условиях современных средств тиражирования произведений искусства — лишь частные проявления стремлений к душевному обогащению.

Сегодня взаимоотношения науки и поэзии, НТР и искусства представляют не только теоретический, культурологический интерес. На стыках этих единых противоположностей, в перекрестном поле их могучих потенциалов таятся неизведанные резервы творчества, важные и для НТР, и для искусства, и для гармонического созидания.

Поэтому не случайно столь сложная проблема трантуется не только в специальной литературе, но и выносятся на широкое публичное обсуждение. В газете «Советская культура» опубликовано немало статей под рубрикой «Физико-лирический факультет», преимущественно об отношении современных ученых-естествоиспытателей к искусству и попытках художественно отобразить свое основное творчество и общее, но в чем-то специфическое мироощущение. Успех недавно прошедшей в Киеве и Москве необычной выставки «Ученые рисуют» подтвердил плодотворность поиска «физико-лирических» источников. Не меньший интерес представляет вопрос об отношении деятелей искусства к НТР, о влиянии научного знания и технических реалий времени на профессиональное художественное творчество. В связи с этим хочу рассказать еще об одном «лирико-физическом» источнике, обнаруженном в «недрах» творчества известного поэта и переводчика, о новой звездной струне лиры наших дней и физической струнке своеобразнейшей личности гуманитария.

нацаемая все более совершенной электронно-вычислительной техникой. Кто это — союзник или конкурент? И последняя строфа не только углубляет тему мудрой грусти. Она становится своеобразным, удивительно точным поэтическим преломлением проблемы взаимодействия науки и искусства. От нее веет и верой в науку.

Поэт продолжает знакомить слушателей с новой книгой своих стихотворений. Сквозь суровость судьбы и века пробивается доброта. Пошли вопросы...

— Расскажите о ваших встречах с Ахматовой и Цветаевой, — попросили в последней записке.

— Я хорошо знал Ахматову и Цветаеву. Но лучше всего о поэтах рассказывают их стихи.

Так и закончил свое выступление в МАИ Арсений Александрович Тарковский. Месяцем раньше почастливилось познакомиться с поэтом. Прочитав мою статью «Грозы НТР и грозы гармонии», которой открывался «физико-лирический факультет» на страницах «Советской культуры», Тарковский поддержал открытие новой рубрики и записал в альбом секции «Взаимодействие науки и искусства» при обществстве «Знание» свое «Стихотворение с электронной лирой». Оно сразу же было принято на вооружение в лекционной работе. Вскоре стихотворение было опубликовано в той тоненькой книге «Зимний день», с которой поэт выступал в МАИ.

Это был уже пятый сборник стихотворений Арсения Тарковского. Первый же вышел в 1962 году, когда поэту было 55 лет, а за его плечами — тридцатилетний титанический труд в области поэтического перевода, самоотдача поэзии братских народов — десятки тысяч стихотворных строк, переведенных с грузинского, армянского, азербайджанского, арабского, Государственные премии Туркменской ССР имени Махтумкули, Каракалпакской АССР имени Бердаха.

И все же «оригинальные стихи — праздник поэта». Самобытная поэзия Арсения Тарковского вбирает в себя традиции русской классической поэзии. Поэт любит называть обычно Пушкина, Баратынского, Тютчева, Фета... В стихотворении «Словарь» он пишет:

Я ветвь меньшая от ствола
России,
Я плоть ее, и до листы
моей
Доходят жилы влажные,
стальные,
Льняные, кровяные,
костяные,
Прямые продолжения
корней.

Откуда же рождаются поэтические образы, преломляющие культуру нашего времени? Беседа с Арсением Александровичем, поражаешься его широкой образованности, живому интересу к точным наукам и эксперименту. Особое приращение придает поэт к астрономии и оптике. Он прекрас-

но ориентируется в звездном небе, руководил приборным отделом астрономического общества. И сейчас наблюдает за Солнцем с помощью прибора, который сам смастерил из оптического прицела. Как клочок сегодня светило! Какие вспышки, протуберанцы. Как все это неустойчиво. Среди множества книг, окружающих поэта, можно увидеть и «Земное эхо солнечных бурь», принадлежащее перу основоположника гелиобиологии А. Чижевского, акварели которого экспонировались на выставке «Ученые рисуют», и специальные разделы высшей математики, и свежий номер журнала «Химия и жизнь». Казалось, что за спиной Арсения Александровича — солидное университетское образование естествоиспытателя.

— Нет, у меня только высшее литературное образование. Остальное изучал сам, но основательно. Мне это интересно.

— Помогало ли увлечение наукой вашему поэтическому творчеству?

— Вероятно, помогало. У меня есть даже астрономические стихи.

— Такие, например, как «Звездный каталог»?

— Нет, это любовная лирика. Такие, как «Телец, Орион, Большой Пес».

И ожила «могучая архитектура ночи», и «немислимое чудо Ориона, как бабочка безумная...», и «Сириус — с египетской, заgrabной, собачьей головой» — вся предметная точность космического очувствования. И все же «мало взял я у земли для неба, больше взял у неба для земли».

— Нужно ли научное знание поэту?

— Чем больше знает человек, тем богаче мир его поэтических идей. Мне нравится, когда ученые тянутся к искусству, а поэты приобщаются к науке.

И вспоминалось недавнее выступление поэта в Московском доме ученых, на которое не смог пробиться немногочисленный опоздавший Герой Советского Союза Марк Галлай, и интересные, но, увы, не столь активно посещаемые семинары «Писатель и современная наука», которые ведут в Центральном доме литераторов Даниил Данин и Лев Разгон.

Заканчивая этот небольшой рассказ об одной лишь струне поэтической лиры Арсения Александровича Тарковского, не могу умолчать о силовом поле его благородства и доброты.

Ю. КАРПЕЙСКИЙ,
доктор технических наук,
лауреат Ленинской
премии.